СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Елена Волкова

Как свести БОССА с ума за неделю

инструкция

Елена Волкова

Как свести босса с ума за неделю. Инструкция

https://litres.ru/74981648
SelfPub; 2026

Аннотация

- Я рада, что Вы рассматриваете мою кандидатуру, – включаюсь в амплуа одержимой работой-мечтой.

- Серьёзно?

Бестужев с усмешкой скрещивает руки на груди.

- Да!

- Итак, что заставило прийти к нам?

Через плотные шторы пробивается луч солнца.

Белобрысая, небрежно уложенная грива Бестужева светится нимбом.

Какой к чёрту нимб! Это ловушка!

Я раздеру твою репутацию на куски, Александр. Нарою такое, что икать три года без остановки будешь.

- Мечтаю работать с таким, как Вы, – преданно смотрю в глаза.

- Это всё? – надменно.

- Нет, – сглатываю. – Есть ещё кое-что.

**

У меня последний шанс стать акулой пера. Проберусь в логово скрытного босса, которого все боятся. Соберу убойный компромат и сведу с ума за неделю.

Как свести босса с ума за неделю. Инструкция

Глава 1.

— Здрассьти, – протискиваюсь в тугую дверь. – Я на собеседование.

Незаметно просунув руку, отдираю тесно прилипшую к заднице юбку-карандаш.

Чертов дресс-код, в офисной одежде умереть можно, тем более если она еще и неприлично сексуальная. Незаметно веду рукой по груди, проверяя достаточно ли соблазнительно выглядит декольте.

Я сегодня в роли роковой женщины, от которой мужчины теряют разум. Говорят, Бестужев на редкость падок на красивых помощниц. Падок и жесток.

— Евгения Галицкая. Посмотрите, – оттопыриваю палец, – в своих бумажках. Я записывалась.

Стервозная дама в возрасте окидывает надменным взглядом. Затягивает в рот дужку дорогущих очков. Медленно покачивая острым мыском замшевых туфель, спрашивает.

— Назначено?

Ни добрый день тебе, ни до свидания. Ни рады видеть. Это нормально?!

Такого пренебрежения даже вечно потный редактор Ста-

риков себе не позволяет. Мой настоящий начальник на минуточку.

— Да.

— Уточню, – скрывается за бессовестно пафосными дверями кабинета таинственного Бестужева. Воровато поправляю микрофон в бюстике. Вряд ли с первой встречи удастся нарыть гору компромата.

Моё издательство всего неделю выделило на задание.

Последний шанс. Иначе вылечу как пробка из бутылки. Пойду на помойку жить.

И не то, что я никчемный журналист, просто мне не везет. Постоянно влипаю в неприятности. Но материалы у меня лучше всех, это нельзя не признать. А вот разборки с полицией … Так данный факт никого не касается.

Неторопливо осматриваю помещение. М-да уж.

Денег у владельца – на пару двенадцативагонных поездов наберется. Вокруг бессовестно дорого. Интересно, он что за зарплату с подчиненными делает?

Слухи о Бестужеве – б-р-р-р. Синяя борода.

Если выходит в свет, то обязательно каждый раз с новой пассией.

Ни одна из них никогда и никому не дала комментариев. Рот на замке. Девушки стремительно прекращают разговор и уходят тут же, если тема касается Бестужева. Почему? Вот вопрос.

Мне поручили разведать, а, собственно, почему? То есть

как поручили …

Я сама проявила инициативу.

Все потому, что ненавижу узурпаторов и самодуров. Что кроется за таинственным, самым не медийным, боссом известной кампании нашего города. Скандалы, интриги, расследования?! Вот это и предстоит узнать.

Бестужев оберегает своё пространство почище агента контрразведки. Ходят странные, почти мистические слухи о жизни за закрытыми дверями.

Незаметно осеняю себя крестом и на всякий случай плюю через левое плечо.

— Пять минут ждите, – выходит из дверей женщина.

Поджав искусно накрашенный рот, снова капает отравой. До чего неприятная особа.

— Без проблем, – сладко и язвительно улыбаюсь.

Я сегодня тоже стерва, если мне присесть никто не предлагает.

Ехидно-сладенько улыбнувшись, мадам Госпожа элегантно присаживается на свое место и начинает клацать по клавиатуре со скоростью света.

Почему представляю ее с хлыстом в руке? М?

— Приемная Бестужева! – властно и величаво отвечает на телефонный звонок. – Александр Михайлович занят!

Как к царю … Надо же.

Ясно почему личных помощников нет. Кто выдержит Покои Сатаны и штатную Демонессу.

На столе тренькает. Из непонятной штуки несется рыкающий бас.

— Аида, пригласи.

Аида? Внутри неприятно екает.

Слепо таращусь на дорожку в кабинет. Жаль, лодки нет.

Точь-в-точь река Стикс *(река мертвых, по которой перевозили души, предварительно положив оплату для Харона – прим. авт.)*Даже монетки в маленьком кармашке имеются. Как знала куда иду.

И, кстати, почему я на собеседование одна?! Остальные сожраны или развеяны в пыль?

Демонесса манит пальцем. Еще пара таких жестов — провалю задание, элементарно закатив глаза.

Так себе профессионализм в фирме.

В почете унижение и «*а Вам не кажется, что Ваше место возле параши» процветает (цитата из к/ф «Джентльмены удачи».*

Все вытерплю.

Журналистика моя мечта, пусть пока и желтая.

Время такое. Все и всё хотят знать.

Цокаю за Демоном в женском обличье, размышляю. Например, не успела Самуилова развестись, как интервью на цитаты разобрали. Женское население прокляло муженька — бородатого репера. Все жалеют Ксению. Охваты просто вау-вау.

Вот и я хочу нарыть что-то этакое.

Здесь, конечно, не Бородач и не Самуилова, но Бестужев весьма интересн …

— Добрый день! – навешиваю на лицо сладостную улыбку.

Зубы у меня шикарные. Я за отбеливание последнюю сотку отдала.

Ответным блеском меня никто не спешит радовать. Плотно сомкнутые губы и звериный взгляд арктического айсберга. Вот что меня встречает.

Не сдаюсь.

Продолжаю улыбаться и, включив сексуальное обаяние, томно веду плечами. Какой мужик не поведется на суперженщину?

А я супер, всё при мне. Проверено.

И …

Ничего.

Оказывается, любой мужик ведется, кроме кого?

Правильно. Бестужева.

По всей видимости, плевать он хотел на мою готовность пахать от заката до рассвета. В резюме дополнительно недурной список способностей прилагается. Я же мечта, а не помощница. Всё редакцией состряпано как нужно, не подкопаешься.

Но? Но!

Переступаю с ноги на ногу. Скорее всего не положено при барине в мягком кресле находиться. Вместо конструктивно-

го диалога падать и кланяться ниже пола рекомендуется. Что еще любят деспотичные самовлюбленные красавчики с безупречной внешностью.

Сердце сжимается от предвкушения, клянусь, не зря я сюда пришла.

Сенсация будет что надо. Потом.

— Вы читали резюме? – воодушевленно спрашиваю, томно тряхнув волосами.

Они у меня тоже что надо! Струящийся шелк, не побоюсь этого слова. От мамы достались.

Бестужев равнодушно моргает. Не разжимая губ, холодно командует.

— Присаживайтесь, Евгения.

Смотрит на меня, будто принесла в садо-мазо-офис бубонную чуму или того хуже, ваниль и карандаш, что тыкала в губы удачная сучка-журналистка. Богач ее сначала выдрал, а потом полюбил. Уверена если бы она карандаш в губы не воткнула, ни хрена бы там ей не светило.

Шиш там плавал!

Непробиваемый гад Бестужев в курсе, что его ни одна зараза не возьмет, поэтому по лицу сквозит равнодушная усталость и лютое высокомерие.

Был бы женщиной, клянусь – сиял бы орденом на груди имени «Стерв всего земного шара первой степени».

Черт с ним. У меня есть цель, иду к славе и деньгам. Еще сам будет просить, чтобы потом интервью взяла. А я поду-

маю.

Семеню к креслу. Едва скрывая облегчение, неловко и торопливо падаю. Ужасные туфли трут. Не ожидала подставы от итальянского бренда. Все вокруг врут.

— Я так рада, что рассматриваете мою кандидатуру, – включаюсь в амплуа одержимой работой-мечтой. – Это такое счастье!

— Серьезно? – скрещивает мощные руки на груди.

Грудь у него что надо. В смысле, прокачанная.

Визуально исследую мышцы сквозь белую брендированную сорочку. Да уж. Не только грудь, у него еще и банки нереальные. Минус один – хамло и грубиян. Поэтому секретарша очкастая с видом садистки сидит. Соответствует.

Не «Евростройй», а красная комната известного магната, который захомутал уродскую журналюгу в страшной кофте. Здесь стеков на стенах нет или ремней? Может я просто не вижу.

Незаметно потираюсь попой о велюр, будто меня уже настегали. Судя по всему, мазь с арникой никто не предложит.

— Итак, что заставило Вас прийти к нам? Какие цели преследуете? – поднимает бровь.

В моменте через плотные шторы пробивается луч солнца. Белобрысая небрежно уложенная грива Бестужева светится нимбом.

Какой к черту нимб! Это ловушка!

Как же он мне не нравится. Ладно. Расправляю плечи.

Медленно моргаю и еще медленнее облизываю губы.

В голове стучит девиз: и не такие метели в лицо мне летели.

Справлюсь.

Я раздеру твою репутацию на куски, Александр. Нарою такое, что икать три года без остановки будешь. Никакая «икота, перейди на Федота» — не сработает.

Ну. С Богом!

Поднять щиты за королеву. Меня, то есть.

— Мечтаю работать с таким, как Вы, – предано смотрю в глаза.

— Это все? – надменно.

— Нет, – сглатываю. – Есть еще кое-что.

Глава 2.

— И что же? – вертит в пальцах остро заточенный карандаш.

Опасное оружие в умелых руках, отмечаю про себя.

Проглотив волнение, эротично откидываюсь на спинку.

Элегантно завожу ногу за ногу. У меня изящные лодыжки. Пусть видит, чего может лишиться на случай, если Бестужев не планирует меня брать.

Облизываю сухие губы. Блеск тоже оказался полная лажа. Или я его съела, пока ждала в приемной Преисподней.

— Я очень способная, – сообщаю. – Быстро учусь. Быстрее, чем остальные кандидаты, если они у Вас случились, конечно.

— Качество номер один, – саркастично. – Ни разу о таком не слышал. Если бы Вы не пришли, остался бы в неведении, что такие люди существуют.

Гад.

Что делают женщины, когда почва под ногами (пусть даже длинными и стройными, как у меня) начинает шататься? Правильно. Рыдать и давить на жалость.

Прижимаю руки к груди.

— Я знаю три языка.

— И?

— Умею вести переговоры.

— Мм.

— Я хороший психолог.

— Боже мой, какой бриллиант.

— Я могу очаровать клиента. Только голосом! По телефону!

— Могу заявить обратное. На меня не действует.

Потому что ты – непробиваемый бронежилет отечественного производства! Хочется гаркнуть, но приличные девушки не орут, когда приходят на должность помощницы деспотичного руководителя.

— Вы пока меня не знаете, – взываю к разуму.

Пауза.

Бестужев бесстрастно взирает, не утруждаясь никаким образом продолжить разговор. Бросает карандаш. Он катится по столу и слетает на пол. В полной тишине слышно, как хру-

стит грифель. Отвалился!

— Собеседование окончено, – равнодушно. – Вы не подходите.

Меня простреливает.

— Какого черта? – взрываюсь. Прям чувствую, как по лицу некрасиво идет пятна. Ай, проваливаюсь. Глупо хихикаю, прикрывая рот рукой. Быстро-быстро хлопаю ресницами. Литрами лью в голос мед, воркую. – Почему?

— Серьезно? – лицо Бестужева немного звереет.

Краска бросается в голову. Больше, чем уверена, что сижу сейчас потерянная, красная и злая. Чертов характер, никак не могу обуздать его в критических ситуациях.

Думай, Женя. Думай!

— Я материально заинтересована. Очень! – придаю голосу соответствующий окрас. – Вы понимаете? У меня бедственное положение. Я могу оказаться на улице и … – выдавливаю слезы. – Мне есть нечего … Вы – мой последний шанс. По зарплате, – уточняю.

— Прелесть какая …

Бестужев перебирает листы весьма объемного резюме. Еще немного и скомкав, вышвырнет его в урну. Да расколешься или нет ты, чурбан белобрысый!

Поднимает на меня глаза. Непробиваемый.

Говорю же. По Бестужеву пособие о равнодушии к чужим проблемам писать можно.

— Я смотрю зубы у Вас, – делает паузу, – слишком белые.

Это верно от того, что плохо питаетесь?

— Последний подарок от папы, – шепчу. – Сейчас он нищий. Живет на те деньги, что высылаю переводом. Уехал в деревню. Пытается разводить птицу, но не выходит. Дохнет.

— Папа? – с напускным сочувствием.

— Куры, – цежу сквозь зубы.

— Мм, – поднимает бровь. – Бедный папа.

— Нельзя смеяться над чужим горем! – возражаю, отстаивая честь папы, которого ни разу в жизни не видела.

— Что Вы. Какой смех.

— Я должна содержать и себя, и его, – бурно дышу, поднимая грудь больше, чем нужно. Обмахиваюсь руками, изображаю крайнюю степень волнения. – Еще и бабушку! Она с папочкой живет.

— В Вашем случае лучше найти папика, – язвительно рекомендует.

Ну каков придурок. Наглый. Эгоистичный.

Пусть красив, как бог и фигура, как у греческого идола. Бессердечный мудозвон.

Да мне Оскар положен за актерскую игру. Сара Джессика Паркер передо мной салага бездарная.

— Намекаете, что я дура?!

Женя. Женя! Остановись.

Прикрываю глаза.

Мелькают кадры, как я стала известной ведущей модного шоу. Старого Нортона выперли, а я сижу в его кресле и за-

просто болтаю с мировыми звездами.

В рядах зрителей сидит Бестужев, ему дают микрофон. Он с чувством говорит, что был со мной знаком и заискивающе смотрит. А я и ухом не веду! Ибо нечего заискивать теперь, поезд тю-тю.

— Извините, – смыкаю сверкающие очи.

Дышу. Дышу. Я очень дышу! Мне нужно это гребаное место!

Бестужев откидывается в кресле. Какой он неусидчивый, так норовит лечь в габаритном ортопедическом изделии.

Неспеша стучит пальцами по подлокотнику. Высверливает дыру в моем черепе пристальным тяжелым взглядом.

Что полагается делать алчущим работы соискателям? Правильно. Склонить голову.

Не склоняется зараза такая.

Пропустив вспышку, отражаю стрелу непокорностью и тут же спохватываюсь. Поздно.

Упрямая натура успела запульнуть непримиримым сгустком противоречия прямо между насупленных бровей мистера Арктики.

— Не уверен, что потянете список обязанностей, которые должны быть присущи моему помощнику.

Да ладно. Смеется? Я по двое суток могу не спать, не то, что какие-то людоедские обязанности.

— Конечно! – торопливо киваю. – Я все могу.

— Уверены?

Зуб даю. Не то, что зуб, верхней челюстью клянусь. Всей.

— Сопровождение, – старательно перечисляю. – Сбор и аналитика. Знание иностранных языков. Ненормированный рабочий день. Командировки.

— Готовы приступить сейчас? – обрывает пламенную речь.

Сейчас? Моргаю.

В смысле сейчас? Как это сейчас? Уже нужно куда-то ехать?

Стоп.

Бестужев меня берет?!

Глава 3.

— Подписывайте.

А?

До лица долетает мятное дыхание с легкой примесью табака. Отчего-то начинаю судорожно вдыхать. Вкусно!

Мой рот изнутри немеет.

Это … ммм … Пф-ф-ф!

Просто я питаю дикую слабость к приятным мужским запахам. Ничего личного, честно сказать — незакрытый гештальт, будь он проклят.

— Подписывать? – внезапно голос дает ощутимую просадку.

Жарко очень. Прям Сахара. Даже хуже!

Может здесь кондер в недрах затерялся?

По груди бегут мурашки и соски мгновенно становятся

твердыми. Видимо эффект от удушья произвел неизгладимое впечатление и физиология взбесилась.

Ерзаю, пытаясь оттянуть блузку, чтобы сквозь секси-кружево не проступало ни намека на порочность.

— Конечно.

Протягивает папку с договором.

Так, можно я возьму острый карандаш со стола мистера Арктики и суну в рот для надежности. Лифта здесь нет, чтобы эффектно свалиться в ноги статуе в белой рубашке, значит нужно пользоваться подручными средствами.

Пока думаю, протягиваю руку и нечаянно касаюсь своим пальцами его.

Его!

Мать вашу!

Мурашки становятся крупнее. Вырез оттягивает в миг потяжелевшая грудь и Арктика безмятежно смотрит прямо туда. Зря я вчера свекольный салат ела. Он наползает на лицо яркими красками. И чертовы соски снова продавливают белье.

Ту мач! Рэд флаг! Стоямба! Никаких очарований придурками – правило номер один.

— Км, – деловито кашляю. – Изучу.

Небрежно листаю тощую папку.

Листаю, будто каждый день типовые договоры читаю, как бы для меня нет ничего нового. Так, рядовая дрянь, только отличие в том, что дрянь отлично оплачивается.

Думай, Женя. Давай! Соображай.

Буквы плывут перед глазами. Сколько пунктов, он ошалел? Смахивает на кредитный хомут, который листают люди, делая вид, что все понимают.

Работодатель обязан … мхм. Ммххм … Нууу … Не так много, что он обязан. Радует, что выплаты вовремя и премии.

А вот работник… Охренели они? Что за кабала на веки вечные?

Да уж. Осталось только органы завещать и то будет мало.

График 7/7, 24/24. Отлично. То, что нужно. Это все, о чем мечтала каждый день и каждую ночь. Вообще работать даже во сне — мое жизненное кредо.

Они здесь роботы, что ли? Ненормальные.

Бестужев смотрит в упор. Еще немного и во лбу будет зиять дыра, через которую вытечет мой бедный мозг.

В принципе, я и так лишилась его, когда согласилась на авантюру нашего редактора.

Сгорел сарай, гори и хата.

Не жили богато, и нечего … Ооой. Стоп. Вот этого не надо. Кто-нибудь из небесной канцелярии отмотайте назад случайные слова о богатстве.

— Можно забрать домой? – пытливо прищуриваюсь.

Хочу все-таки про органы завещанные прочесть, вдруг я пропустила.

Ноздри Бестужева хищно вздрагивают.

— Вы минуту назад были готовы на все. Вы жаждали получить должность, не так ли? Алкали!

Чегооо? Алкала? Это что-то на старорусском. Полиглот чертов.

Отвечаю внутри себя чисто по Лескову. Я ему тоже не ноготь отстриженный. Собака пушистая! Причинить бы ему телесные огорчения. Да хоть вон той вазой, одиноко стоящей в углу.

Скрежеща зубами, натягиваю милую улыбку. Сладко скалюсь.

Спешка хороша при ловле блох, но кажется мистер Демон об этом не слышал.

Он же меня взял уже. Пусть тоже помучается, а я поизучаю. Я себе цену знаю. Задумчиво кладу палец в рот и щедро смачиваю слюной, не спеша, перелистываю страницы.

Плевать, что палец немытый. Я эротизирую пространство! Для верности продуманного шага.

Пусть потеряет бдительность, это уже вопрос моей квалификации соблазнительницы. Я пашу в зале пять раз в неделю, пусть облизывается. Не знаю зачем, но пусть.

Меня очень задевает его отношение ко мне, как к женщине.

Уголки страниц стремительно промокают. Все-таки много слюнявой влаги оказалось.

— Так ли. Алкала! – Делаю вид, что что-то смутило на последней странице. Протягиваю наманикюренную длань. –

Можно ручку?

Толкает карандашницу.

Беспомощно улыбаюсь, поглядывая из-под ресниц на босса. Его рот упрямо сжимается.

Около глаз собираются редкие морщинки.

Н-ну!

Подашь ты мне перо иль нет, упрямый остолоп!

Облизываю рот. Сижу, не движусь.

В сверкающих очах немой вопрос.

Я ж женщина. Ужель не ясно?!

По фиг, что не в рифму, посыл работает как надо.

Вытаскивает ручку, нехотя протягивает.

— Спасибо, – нечаянно-намеренно касаюсь пальцев снова.

Подлые мурашки. Они снова здесь. В зрачках Бестужева мерцает темнота.

Размашисто подписываю.

Хриплый выдох напротив неожиданный и совершенно не к месту. Что он значит?

Внутри тревожно семафорит, *дорогая, ты все же в ловушке*. Иначе почему касания Синей Бороды тебя простреливают от головы до пят. Давлю в себе ростки сомнений. Не случился тот босс, что заманил бы в капкан. Я и сама недурно их расставляю.

— Купи себе брючный костюм, – бросает папку в ящик массивного стола.

Что?

— И длинное платье. В пол.

С тех пор, как попала в покои сатаны, я очень сильно моргаю. Сухость глазных яблок от неприкрытого деспотизма. Вот мой диагноз в стенах филиала ада.

— У Вас в приемной Демонесс … – прикусываю язык, – дама в юбке выше колен сидит.

О том, что дама в возрасте, молчу. Неизвестно как отреагирует, подсыплет чего-нибудь отравляющего.

— Аиды не касается, – раздувает ноздри. Ноздри тоже у Бестужева нереально красивые. Надо же. Идеальный владелец огненного портала. – Моя личная помощница должна иметь безупречный вид. Презентабельный, вылизанный облик скромного воспитанного человека. И макияж тоже необходимо умерить! – вбивает последний гвоздь в крышку моего модного лука «обольсти мудака-босса».

Изо всех сил сильно покладисто улыбаюсь.

Интересно, трусы тоже носить а-ля панталоны, чтобы дышало или можно кружевные оставить. Проверять будет или нет?

— Хорошо.

— Никаких опозданий. Работу выполнять качественно. Быть готовой к командировкам в течении суток каждый час. Никакие отговорки не принимаются. Когда нужно, ты рядом всегда. Поняла? – переходит на «ты». Бесстрастно и равнодушно перечисляет дальше. – На переговорах тише воды,

ниже травы. Никакой активности, пока не будет на то команды. Больничного – нет. Отпуска – нет. Выходные совершенно точно могут использованы для рабочего времени. На любой мой вопрос должен быть конструктивный ответ. За блеяние – уволю. За нарушение правил – уволю. За плохую работу – уволю. При тотальной занятости есть неоспоримый плюс, – щелкает пальцами. – Зарплата. Бесстыдная зарплата, которая покроет мои требования.

По мере перечисления удушающих условий, немножко потею. Нужно привыкать не спать. И не есть. И в туалет не ходить.

Ах, да еще и монашкой быть, как же я забыла.

— Хорошо, – соглашаюсь.

— И еще. Ты будешь выполнять не только рабочие обязанности.

В горле снова сохнет.

Очнувшись, впиваюсь в Бестужева взглядом.

Мое журналистское чутье мгновенно чувствует сенсацию. Неужели это то, что я думаю.

Глава 4.

— И только? – раскрывает пухлый рот претендентка на вакансию.

Смыкаю челюсти.

Исподлобья сжигаю шлюшье декольте с выставленными напоказ полусферами. Девочка, твою мать, с персиками. Персиками третьего размера! Бестужевсий глаз-алмаз нико-

гда не ошибается. И, кстати, тройка – мой любимый размер.

— А ты что думала? – навешиваю привычную людоедскую маску. – В сказку попала?

Почему я хочу ее отшлепать? Сука. Наваждение какое-то.

Краснеет. Удивительно. Она краснеет.

— Ладно. Буду приносить кофе каждый день и забирать ваши вещи, – сверкает глазищами. – И в химчистку буду ходить. И сорочки менять в рабочем шкафу! – скрежещет зубками вперемешку с улыбкой кобры. – И продукты тоже буду носить из Вкусного мира! Прямо домой!

Ведьма.

— Отлично, – откидываюсь, складывая руки на животе. – Тогда до завтра.

— Рада, – отодвигает стул. – Очень рада, что взяли на работу.

Кланяется, как заведенная. Ох, девочка, что-то тут не то.

— Посмотрим. Это испытательный срок.

Идет к двери, активно виляя бедрами.

Бедра у нее что надо. Впрочем, не только бедра, все остальное тоже на пятерочку. Но природа обделила кое-чем. Это кое-что в ближайшее время будет выяснено. Сиротиночка в поисках работы.

Руку даю на отсечение, что она помощником руководителя ни дня не работала. Очередной засланец? Почему бы и нет. Правда мадмуазель оказалась находчивее всех предыдущих, алчущих узнать о моей жизни больше, чем нужно.

Оставлю. Даже интересно, кто заказчик в этот раз.

Накажу. Накажу так, чтобы в другой раз неповадно было. И сучке Галицкой достанется первый приз.

— Можете не переживать, – оборачивается у дверей. На косяк ложится изящная ладонь. – Завтра буду, как монашка.

Что? В недоумении поднимаю брови.

Галицкая исправляется.

— Вот этого всего, – ведет по узкой талии, – не будет. Все скромно. Я запомнила.

С грохотом закрывает дверь.

Позволю девочке подумать, что она умная. Позволю безусловно, а потом пиздец ей.

С досадой одергиваю брюки. Младший брат решил напомнить о себе. Херня какая-то.

— Аида, останови набор. Я беру Евгению на испытательный.

В трубке пауза. Аида нервно дышит, с явным непониманием восклицает.

— Будет ли толк? Не зря потратим время? Оно и так поджимает, Саш.

Нарою информацию, кто она на самом деле, все будет ок.

— Да. Принеси черный кофе и меня ни для кого нет. Отчет по объекту на Никитинской захвати.

Погружаюсь в отчет. Пытаюсь вникнуть в цифры. Но перед глазами навязчиво мелькает образ Галицкой.

Раздраженно отбрасываю листы.

Ничего, что ее волосы на миллион долларов выглядят, нет? И костюмчик явно не в проходных сетевых магазинах куплен. Все знают сколько стоит здоровый рот, у нее челюсти сверкают, как у акулы мако.

Ну и последний гвоздь в крышку гроба сомнений. Сумка и туфли. Я в курсе, где торгуют этими марками.

Не слишком ли для той, у кого папа с голоду в деревне умирает, и сама вот-вот лапки от прорухи-судьбы склеит. То-то и оно!

Беру сигареты, выхожу на балкон. Как на зло в обзор попадает никуда неспешащая Евгеша. Пристально слежу, как она медленно идет, беспечно помахивая сумкой. Разговаривает по телефону и заливисто смеется.

Почему она меня так бесит? Рядовая мамзель, таких хоть пруд пруди. Но что-то в ней такое, что смогло оставить ядовитый след. Как ожег от крапивы.

Несмотря на непонятки с появлением Галицкой в моем офисе, все же нужно признать. Девочка что надо. Все при ней. Ладная, красивая и внутри огонь. Только дурак не заметит. Повадки не жертвы, наоборот: за тонкой мраморной кожей бьется сердце долбанутой своенравной росомахи. Прыгнет сверху, загривок прокусит и завалит мамонта. Жрать потом год будет, не подавится. Правда вид при пожирании все равно жалостный будет.

То и манит …

Слежу за вилянием задницы …

Курю.

Надрать бы ей не дожидаясь результатов, кто она и что. Надрать так, чтобы знала!

Около останавливается тачка. На полусогнутых вылетает мажор и сворачивая шею, бежит к Евгении. Разводит на что-то. Отчего-то хочется спуститься и разбить ему морду, предварительно пояснив, что она на меня работает. А я не люблю, когда трогают хоть что-то из того, на кого я положил вето.

Что за херня собачья?!

Встряхиваюсь. Злясь, давлю окурок в пепельнице. Я что? Робин Гуд?

Взгляд снова примагничивается. Хм …

Галицкая и сама неплохо справляется. Отшив мажора, спокойно идет дальше.

Вот сейчас умница была.

Да ёб … Паранойя прогрессирует.

Сваливаю с балкона. Нужно выяснить, что такое «Евгеша» и с чем я ее буду жрать.

Глава 5.

— Утро добрым не бывает, – вылетая из человеческого облика, хлопаю по столу.

Сучий потрох! Опять Горелов отгрузку задерживает. Надо с ним прощаться, вожусь лишь потому, что цена адекватная, но у всего есть предел терпения. Мой иссяк.

— Здравствуйте, – дверь в кабинет открывается.

С видом кастрированного пуделя на пороге стоит бес-

сменная Аида. Напрягаюсь, когда вижу ее лицо.

Там кто в приемной? Папа Римский на прием пришел записываться?

— Аида? – в возмущенном нетерпении развожу руками.

— Ассистентка пришла.

Ну все. Я уж думал, кто другой.

— И? – сатанею. – В чем вопрос? Пусти её. У меня список задач готов.

Поджимает губы.

— Она … – хмурится. – Ладно. Сейчас.

Хлопаю в ладоши.

— Бинго! – издеваясь, цежу. – Зови.

Молча выходит. Пока Аида строит из себя обескураженную, отправляю на печать список поручений для Евгении Галицкой.

— Доброе утро, – вползает в кабинет нечто бесформенное.

Щурюсь, потому что в окно бьет мощный луч света. Блядское солнце. Ненавижу ядерные вспышки невменяемого осеннего светила. Ублюдские лучи напалмом роговицу выжигают. Разозлившись окончательно, размашисто иду к окну и опускаю жалюзи. И жалюзи тоже блядищенские!

Мешок стоит у двери, скромно опустив глаза долу.

Ебанамать. Галицкая.

Этот день меня доканает.

Что это, мать ее, такое?! Ни в глаз, ни в лоб. Просто апо-

калипсис офисной моды. Ссаная тряпка от кутюр. Наряд чопорной недавайки.

— Прелестно, – рычу сквозь зубы.

— Вам не нравится? – раскидывает руки и медленно кружится вокруг себя.

Стирая зубы в крошево, рассматриваю наряд века.

Однажды в детстве я гостил у прабабушки в деревне. Так вот у нее была огромная накидка на скирд сена, чтобы дождем не замочило.

Нечто подобное, только угольно-черного цвета сейчас на Евгении, мать ее, Галицкой.

Волосы стянуты в тугой узел. Косметики минимум. Какой к черту минимум! Ее вообще нет. Монашка на максималках. Сестра Евгения — никак иначе. Матушка, мать ее, Галицкая бестужевского прихода. Орден Несвятой груди и Длинных ног.

— Все, как написано в договоре, – пищит.

— Я, – сую руки в карманы брюк, перекатываюсь с пятки на носок, – не имел ввиду, что мой ассистент должен выглядеть так.

— Как? – невинно моргает.

Сука!

— Как бесформенное покрывало со старого дивана в хрущобе! – рявкаю.

— Прошу меня извинить, – опускает глаза долу, покусывая пухлые губы.

Пухлые. Розовые. Влажные губы.

Ооо, это пиздец.

Никакой помады не надо, чтобы представить себе, как между ними двигается мой член. Шляпа дергается в трусах. Это ничего не значит. Все исключительно потому, что зрелище невыносимое. Невыносимо злящее и досадно бесячее.

Да что происходит. Скашиваю взгляд на комп. Внизу маячит реклама, что ретроградный меркурий вошел в фазу.

Мм. Ну ясно. Чего тут рассуждать тогда.

— Присядь, – полыхая смешанными чувствами, гавкаю на весь кабинет.

— Конечно, как скажете, – с придыханием.

И идет.

Моргаю. Моргаю. Еще раз моргаю.

Балахон колыхается, обтягивая соблазнительные формы.

Лишние складки одежды отодвигаются, на первый план с фанфарами вылетает ебейшая сексуальная (провались она) троечка. Вырисовывается тонкая талия, затянутая тонюсеньким ремешком. В разрезе среди складок мелькают тонкие изящные щиколотки.

Пока Евгения послушно идет, гребаное солнце пролезает через жалюзи. Немею от пиздеца. Тряпка местами полупрозрачная. Да я ее соски сейчас вижу, потому что белье кружевное. Крупные, ровные, бесстыдно торчащие. Между пальцев начинает зудеть. Бессознательно потираю подушечки, будто вот-вот почувствую между пальцами шелкови-

сто-твердые шарики. Они же вкусные или …

Блядство!

Сглатываю шок.

Огня добавляют туфли на высоких шпильках. Очень высоких, сантиметров восемь.

Грешная монахиня. Оступившаяся девственница с грязными помыслами. Застенчивая безбожница. Ну сучка какая!

Рывком отодвигаю кресло. Галицкая с достоинством присаживается. Полуголая обедневшая скромная приживалка из дворянского рода. Ни дать, ни взять.

— Итак, – хриплю.

— Вся внимание, – заглядывает в глаза.

— Вот перечень на сегодня, – резко двигаю лист.

Евгения бегло проходится по списку.

С удовольствием наблюдаю, когда ее начнет разрывать. Брови чуть заметно дергаются и уголок идеальных губ поднимается в неясной эмоции.

Давай, Галицкая, срывайся. Расставим все точки над «Ё» и я со спокойной душой тебя выеб…

В смысле ВЫГОНЮ!

— Это все? – прячет поручения под складками балахона.

— Нет. Поручения нужно выполнить после обеда. Сейчас ты возьмешь ведро и тряпку для того, чтобы привести в порядок свой кабинет.

Лицо Галицкой вытягивается. Развожу руками, сообщая что у нас проблема с клинингом. Глаза ассистентки стано-

вятся размером с пару арбузов. На самом дне полыхает пламя ненависти.

Прекрасно! То, что нужно.

— Свободна, – отмахиваюсь, как от мухи.

Дверь оглушительно хлопает. В ушах звенит.

Откидываюсь назад.

Надо бы рассекретить эту ушлую девицу и как можно скорее. Прибить и потом положить лицом вниз.

Блядь! Запрокидывая голову, закрываю лицо руками.

ПрОбить.

Конечно же, пробить. А не прибить.

Хотя второго хочется больше. И не только этого. Складываю руки на столе, ложусь на предплечья вспотевшим лицом.

Ммм. Ох, ты ж.

Он стоит. Он теперь всегда стоит, когда брехологиня заходит в мой кабинет.

Наваждение. Пиздец. Полный капут.

Говорю же. Блядство!

— Аида! – рявкаю в селектор. – Воды мне. Со льдом. Быстрррроо.

Глава 6.

— Можно я сама вымою? – испуганно смотрит женщина в платке.

Складываю в пакет тысячу тряпок и кучу моющих средств.

Скотина бестужевская. Гребаный Харви, чтоб его разо-

рвало. Значит, клининга нет, да?

— Не беспокойтесь, – заверяю. – Воду только помогите докатить и все. Как можно к вам обращаться?

— Диля. Идемте помогу. Конечно, покажу, как инструментом пользоваться.

Бог на моей стороне, у меня есть помощница.

Бог — да, а сатана Бестужев — нет.

— Кажется здесь, – замираю перед замшелой дверью.

Мне интересно.

Нет, мне ооочень интересно, как в пафосном здании, в суперсовременном здании! На минуточку! Кааак отыскалась **такая**дверь.

Ощущение, что на нее восемь бомжей писали неделю, поэтому шпон завонял, отодрался и закучерявился.

Аида …

Старая пафосная лошадь. Понимаю теперь, почему со счастливым лицом ключ от кабинета вручала. Собака Баскервилей (из «Шерлока» – прим. авт.) чертова! Что ты всю жизнь сама на болотах жила. И чтобы тебя там не кормили.

— Пришли, – открываю и …

Твою мать! Матерь Божья. Святая Магдалина!

Он издевается?!

Перед глазами комнатка два на два с малюсеньким окном под потолком. В углу дешевый стол, стул с оторванным мягким сиденьем, которое скорее всего грызли собаки. Он даже не компьютерный. Это табуретка со спинкой от другого си-

далища.

— Блядство! – матерюсь сквозь зубы.

Диля густо краснеет.

— Простите, – искренне каюсь. – Не сдержалась. Диля у вас халата не найдется, боюсь запачкаться.

— Давайте я, пожалуйста, – немея, умоляет.

Эээ, не надо. Воинственно оглядываю камеру моего заключения.

— Нет, Диля, – с сожалением говорю. – Нет. Сатана сказал, чтобы я сама прибралась. Не разрешает.

— Сатана?

— Нет-нет, – поправляю себя. – Шеф. Я имела ввиду шефа.

— Мм, почему не разрешил помогать? – беспокоится Диля.

Понимаю, о чем она. Волнуется о сокращении штата.

Если бы!

Сатанинской милости достойна лишь я, но знать об этом никому не нужно.

— Александр Михайлович, – стараюсь навесить на лицо милое выражение, – решил, что я справлюсь сама. Спасибо, что проводили.

Диля потоптавшись, уходит.

Халата мне не видеть, как своих ушей, да? Мрачно выглядываю в коридор. Никого!

Возвращаюсь в хлев. Класс. Розетка тоже одна, краска об-

лупилась по низу стен. Кабинет похож на камеру-одиночку, которую заключенные в минуты отчаяния пинчели, как могли.

Интересно, мне ПК положен или гусиными перьями буду писать? Если что, их тоже нет. Древнего атрибута с засохшими чернилами не наблюдаю. Значит, будем корябать на стенах.

Жарко. Как мне жарко. Злостно обмахиваюсь. Сплит системы тоже нет.

Есть пыль, адская жара и бесконечная ярость.

— Чтоб ты околел под кондиционером! – в сердцах шепчу. – Чтоб ты кашлял тридцать лет и три года. Чтоб тебя холера схватила и вирус язвы сибирской.

Хлопаю допотопной дверью. Сверху падает кусок штукатурки.

Ааа! Чтоб тебя, бестужья морда! Белобрысый кусок не скажу чего.

Отпинываю шмат куда подальше. Тьфу!

— Ладно, – скриплю. – Справлюсь. И не такие метели в лицо летели.

Аккуратно снимаю платье.

Я за секси-монашку опять последние деньги отдала.

С удовольствием провожу руками по талии и бедрам. Что есть, то есть. Фигура – мое богатство. Другой вопрос, что фиг кому ключики даю.

А не для этого меня мама растила, чтобы давать направо

и налево. Благо мозги работают, поэтому мечта о богатом папике минула стороной. Все сама. Сама и сама. Как Папа Карло. Только Буратино денежное себе никак не настругаю.

Я — будущее светило журналистики. Пусть Ксения Анатольевна сгрызет свой маникюр от зависти. Я – та, кто сместит ее со всех эфиров. Но потом!

А пока вперед, Женя.

Прибирайся в логове сатаны в ажурном комплекте белья за … дцать тыщ. Тоже последние. Точно буду на пшенке и воде из крана сидеть до зарплаты. Да и черт с ней.

Остервенело смачиваю тряпку. Драю стены, будто передо мной лицо Бестужева.

— Получи, скотина! – молочу по его губищам и волевому сексуальному небритому подбородку. – Я из тебя все дерьмо вытряхну, – по шее, по плечакам его мощным, по животу, где сто процентов гребаная терка есть.

Вся потею и какого-то хрена возбуждаюсь. Трясет от злости и блядские трусы почему-то намокают. Это … Это! От! Жары!

Не зря в здании, где лютый Чернобог арендует помещения для своих офисов, все по струне ходят. Айтишники бледнещие, как вампиреныши. Уборщицы пуганные. Логистика башку от мониторов поднять боится. На всех — сотрудников адекватных с пятерку наберется.

От моей проницательности еще никто не ускользал. Один взгляд профи и досье собрано.

Нет, здесь точно где-то есть комната, где персонал порют.

Возможно, как раз в моем подземелье. Нужно проверить, как можно скорее.

Минут через сорок отмываю стены дочиста. Ни пылиночки.

Вытирая испарину, цокаю на высоченных шпильках к ведру на колесах. Перебираю швабры и тряпки. Выуживаю самую большую. Агрегат, конечно, мощный. Как с ним клининг справляется, ума не дам.

Треньк!

Бегу к платью. Аккуратно выуживаю телефон из потайного кармашка. Неужели опоздала ко времени, и Бестужев решил напомнить?

Мм. Нет. Это другая рыбья харя.

Жлоб: Нарыла что-нибудь?

Опра: Вы издеваетесь? Я второй день здесь.

Жлоб: Это много. Ты точно вытянешь дело?

Зеленею, как протухшая вода в вазе. Он нормальный?

Подворачивая ногти, пишу.

Опра: Можете не сомневаться! Я сделаю все возможное.

Нет, ну какой гад. Почему все камни летят в мою голову.

В редакции много ленивых мужиков, их Стариков не трогает. А меня готов на фрагменты порвать. Вся беда в том, что именно этот поношенный носок может меня рекомендовать в отличное издание, если принесу горячую новость в клювике.

Сжав зубы, хватаюсь за швабру. Выгибаясь, лезу под стол. Пока орудую в недрах, в голове созревает план. Стариков понимает, что меньше, чем за месяц ничего не нарыть.

Я же даю себе неделю.

Сведу его с ума и выужу компромат. Все. Будущее в кармане.

Чертова бумажка застряла в щели пола. Отбрасываю швабру, расставляю колени, прогибаюсь в пояснице и, немыслимо выставив задницу вверх, тянусь еще дальше.

Трусики сползают, врезаются и сильно натягиваются. Стою в позе подгулявшей развратной кошечки. Вдруг по заднице идет холодок.

— Галицкая! – роковой рык Бестужева заставляет сжаться в комок. – Что происходит? Почему ты голая?!

Глава 7.

Раздражение затыкает все доступные рецепторы, способные отвечать за контроль.

Что она себе позволяет? И что это за бельишко развратное?

С жадной, неадекватной тряской разглядываю каждый ажурный элемент куртизанского наряда своего личного ассистента. Достойно улицы красных фонарей. Однозначно! Была бы номер один там.

Стараюсь игнорировать идеальные формы ведьмы. Ничего не получается. Я, сука, даже не моргаю, чтобы видеть ее, как можно дольше.

Вжимаю подошвы в пол, аж в пятки отдает. Ожидаемого прострела не случается. Тело объявило забастовку и без спроса визуально жрет Галицкую.

Ох, ёёё. Наваждение какое-то.

Надо реанимироваться. Срочно.

Меня бесит, что Евгения настолько задевает зрительные нервы. Суперклей, мать её, а не девочка-брехушка. Мата Хари (*шпионка – прим. авт.) местного разлива. Жаль пистолета под рукой нет. Не стрелять, так, чисто в брюках продемонстрировать.

— Стучаться не учили? – огрызается Галицкая.

В смысле.

Кому? Мне? Стучаться? Она что, попутала?

Смыкаю челюсти. Питбуль передо мной сейчас полное говно. Я в моменте могу перекусить дуло арматовского танка.

— Меня? – давлюсь воздухом. – Стучаться?!

С хуя ли. Хочется заорать благим матом. С ХУЯ ЛИ?!

Тут кто царь и бог, забыла?

На склеротичку Галицкая мало похожа. Все больше на хитрожопую гламурную обезьяну смахивает.

Взгляд сползает на красивые сиськи растрепанной разведчицы. То есть, они не красивые, нет. Они совершенно точно королевские. Любой показ мод забрал бы себе с дракой на рапирах, лишь бы их кружевные тряпки рекламировать.

— Глаза сломаете, – краснея, бормочет под нос.

Это уже становится интересным.

Сыплется девочка как старая продырявленная крыша.

Раскусить Галицкую за короткое время, труда не составит. А пока надо выводить из себя с каждым днем все больше и больше. Сработает.

За неделю растреплю ей хитрожопый букетик.

— Не волнуйся. Ты мне интересна, как гаишник пьяному водителю.

Красивые брови изламываются еще сильнее. Театрально оскорбляется.

Жаль. Как жаль, что у меня в кармане нет нюхательной соли. Присунул бы под наморщенный носик.

— Хамить не нужно, пожалуйста.

На меня серьезно смотрят глаза шрековского кота, которого смертельно обидели, и он не может ответить из-за несправедливости мира. Того и смотри крупная кошачья слеза скатится.

Даже жалко становится секунду на три.

Сбавляю обороты.

— Одевайся, Женя.

Мне показалось, или она победно улыбнулась? Неспеша проводит руками по талии и бедрам. Вот же …

Кхм. Оттягиваю кулаками карманы в брюках, ибо нечего смотреть, как боевой дух поднимается. А он поднимается. И ничего его не останавливает. Ни моя злость, ни испарина на лбу.

Галицкая эта …

Незаметно сглатываю воздух и пялюсь на нее, будто заключенный после десятилетней отсидки.

Персик закрывает крошечный треугольник, а дальше прозрачная сетка. Ебааа … Да там бразильская эпиляция во всей красе. Резко поднимаю взгляд вверх.

Порочная проныра с доверчиво распахнутыми губами, как ты у меня вообще оказалась? Кто тебя сюда подкинул? Я же выясню, ты же моя голожопенькая за все ответишь. За все. Будешь отвечать, пока мне не надоест. Одного допроса с пристрастием явно мало окажется, я это заранее знаю.

– Где твой мешок из-под овощей? – рявкаю.

Галицкая снова надевает привычную маску тщательно скрывающейся стервы.

— Я не позволила себе его испортить, – едва сдерживаясь, улыбается. Могла бы, в лицо вцепилась. Но я босс и потому втяни свои ядовитые когти назад, дорогая. – Последние деньги отдала, поэтому и сняла. А Вы! Таращитесь на бедную девушку. Отвернулись бы!

А сама грудь выпячивает. Какая она сукааа!

Против воли рожа багроветь начинает. Закрыть бы эти бутики, где прозрачные тряпки продают. Одно название, а не белье.

— Оденься. Слышал про нищего отца и его попытки прокормиться куриным мясом. Я помню, что ты все время платишь последние деньги за все и везде. Так что молча одень-

ся, – повышаю голос, – и все.

Ведьма цокает к сложенному мешку.

Идет, профессионально покачивая идеальными бедрами. Из наспех собранной на макушке гульки, падают шелковистые пряди. Красивые волосы женщины – моя слабость.

Как назло, резинка с чпоком отлетает и каскад рушится на плечи и спину.

Ох, тыыы …

Тяжело сглатываю. С трудом удерживаюсь от того, чтобы допрос прямо здесь не начать. Химоза гребаная. Почему я так реагирую? У нее все, как у других, так какого хрена?!

Адски бесит тотальный выход из-под контроля.

Перед глазами несанкционированно вспыхивают кадры, как *наматываю на кулак копну и жестко оттянув назад, рву трусы на ореховой заднице, расталкиваю ножки и врываюсь в сладенькую тугую влажность.*

Перед глазами плывет. Мне становится очень жарко.

Развязываю узел галстука, не переставая полировать заразу взглядом.

Шпильки, неровно отбивая чечетку, разъезжаются по плитке.

Сглатываю ком.

Вгоняю по самые яйца и так сильно Галицкую наказываю, что кончаю ровно через пару минут. В нее! На нее! На красиво выгнутую поясницу.

Размазываю сперму по коже. Остатки стекающих брызг

сую в готовый на все услужливо распахнутый рот.

— Вас заклинило? – с подколом.

Что? Нет …

Отлипаю от стены. Туго затягиваю галстук, визуально сжигаю ведьму.

Я тебя … заразу такую … драть буду прям около этой стены, пока ты не признаешься кто ты и что ты.

Драть так, что визжать будешь и умолять, чтобы продолжал как можно дольше.

А потом вышвырну отсюда на все четыре стороны. Нет, потом еще раз и может быть еще пару раз, а только потом вышвырну.

— Вовремя не уложилась, – равнодушно отражаю, наблюдая как змея затягивает ремешок. И ведь даже не смутилась ни разу, не закрылась. Навяливала по кабинету, будто так и надо. – Я пришел сказать, что список с поручениями нужно выполнить весь, кроме последнего пункта. Сейчас установят ПК и подключат интернет. По итогу выполнения, жду тебя у себя в кабинете в 18.00 и ни минутой позже.

Ухожу под скрип зубов Евгении, мать ее, Галицкой.

Стриптизерша недоделанная. Морщась, поправляю стояк.

Нужно срочно потрахаться.

Глава 8.

Подчиненная.

— Сердечно благодарю, – складываю руки на манер намасте и кланяюсь, как японка ошизевшему айтишнику. – Спаси

тебя бог, Ванечка. Пошли здоровья и процветания. И большой зарплаты и красивой девушки.

Парень, немного ошалев, чешет нос. Поправляет рукава на видавшем виде свитере и окончательно смущается. А я продолжаю кланяться.

Пусть все видят, что лучше и благодарнее человека, чем новые кадры в вонючей бестужевской фирме нет.

А я – есть.

— Да ладно, – встает из-за стола. – Все нормально. Мне не трудно было.

Закусив щеку изнутри, разглядываю скрипучий стол в склепе-кабинете.

— Не упадет? – показываю на обгрызенный край.

— Мы сейчас исправим, – с энтузиазмом складывает вчетверо картонку из-под модема, подсовывает под шатающийся край.

Стол и стул – нанотехнологии конца двадцатого века. Бестужев от сердца оторвал.

Край, кстати, отвалился, когда Ванечка начал устанавливать комп и кидать провода. Надо закупить колготок побольше, а лучше вообще без них. Изнутри стол весь в выщерблинах.

Какой жлоб этот Александр оказывается. Ужас!

— Нужно еще что-то?

С умилением смотрю на него.

Ванечке чуть за двадцать. Милый парень с лучистыми гла-

зами. Добрый-добрый. А то, что свитер у него немодный, так это ничего. Главное в человеке – это глаза и душа.

И еще способность разговаривать.

Буду колоть! С пристрастием.

Подношу руку к глазам. Всхлипываю.

— Ты чего? – подлетает Ваня.

Дрожащими пальцами зачесываю волосы назад. Мне стыдно пользоваться пареньком, но карьера успешной журналистки сама себя не сделает.

— Начальник у вас зверь, – понижаю голос. – Если бы не нуждалась в деньгах, никогда не пришла. Я в трудном положении, Ваня.

Он молчит. Глаза сразу становятся чужими. Настороженно замираю, перегнула?

— Извини, – прижимаю пальцы к вискам. – Я не то хотела сказать.

— Нормально все, – настороженно. – Лучше скажи, почему расстроилась.

Вот же партизан несчастный. Почему не бросился успокаивать, не понимаю. Судя по внешнему виду, Ване тоже есть что обсудить.

Сколько зарабатывает, что в одежде, снятой с огородного чучела, ходит. Вряд ли это бомж-стайл из коллекции Валендиага (изменен. – прим. авт.)

Или есть такие мужчины, которым все равно в чем ходить. Есть один свитер и пока на них на лоскуты не распадется и

хорошо. Ваня из этих?

По спине прокатывается волна злости.

Никто не смог пережить моих слез. Все! Я повторю, все велись и с легкостью трепали что было нужно было. Даже майор не устоял. А тут никак.

Мы пойдем другим путем.

— Видишь сколько поручений? – шлепаю листок. – Я ни сном ни духом пока. Вот откуда я знаю, что это такое? – тычу в непонятные цифры.

— Ерунда, – отмахивается. – Садись рядом. Сейчас все покажу.

Это шанс, которым не могу не воспользоваться.

Почти все готово за пару часов. Впитываю, как губка. На самом деле не так уж и сложно. Тем более, я готовилась и изучала чем занимается кампания Бестужева. Ваня мне накидывает детализацию и в целом я быстро схватываю.

В голове не прекращается канонада из вопросов по персоне, что интересует меня больше всего. Как же подобраться …

Расслабляю как могу. Пока Ваня подключал систему, я успела заказать кофе и вкусные пироженки с доставкой. Не голодать же нам здесь.

— Вань, красивое платье? – верчусь перед ним.

Парень краснеет, как свекла.

— На монашку похожа.

— Шеф так велел, – печально скукоживаюсь.

— Да? – удивляется. – Странно.

Настораживаюсь.

— Почему?

Откусывает пропитанный бисквит, с наслаждением жует.

— Впервые такие требования наблюдаю. Обычно у шефа помощницы в мини были. Ну такие, – рисует грудь, – поняла?

Встаю в журналистскую стойку. Дело пахнет керосином. Почему тогда я в макси, а?

Пожимаю плечами, делаю совершенно незаинтересованное лицо.

— Вакансия постоянно открыта почему-то. Куда они у него деваются-то? Я за себя переживать начинаю.

Ваня молча доедает пирожное, допивает кофе. Отряхнув руки, двигает листок.

— Тут одно дело осталось. Сама справишься? В базе посмотри, ответ на поверхности. Спасибо за угощение, Жень.

Разочарование тяжелым грузом ложится в мое скрытое декольте. Вот же свинюка с застегнутым ртом. С укором смотрю на него.

— На здоровье, Вань.

Он наклоняется ниже, почти к уху.

— Жень, ты бы ничего не спрашивала про Бестужева. Сама все узнаешь, как время придет. Ок? – хлопаю глазами. – Пока. Мне пора.

И уходит.

Ааа … а что это было.

Бестужев реально Синяя Борода?

Задумчиво сгребаю отчет и несу Сатане. Надо срочно произвести разведку боем. Времени остается все меньше.

— Можно? – влезаю в массивную дверь.

Меня встречает жесткий, полыхающий огнем адского пекла, взгляд.

Босс.

— Можно? – ангельский голос сахарным медом вливается в ушные раковины.

В теле происходит перестройка всех органов.

Донат на врушку Галицкую срабатывает мгновенно. С нескрываемой неприязнью вперемешку со вспыхнувшей похотью облизываю Евгешу.

Блядская монахиня.

Почему в несуразном мешке выглядит сексуальнее, чем любая девка с Патриков, одетая в прозрачные трусы и с повязкой на груди.

— Отчет готов? – привычно хрипло изрыгаю.

Молча кивает. Семенит к столу.

Залипаю на щиколотках, мелькающих в кусках струящейся ткани.

Незаметно ерзаю, проклиная дергающийся член. Закидываю ногу на ногу, чтобы замаскировать восстание в штанах. У меня снова стоит на бесячую брехушку, которую хочу беспощадно удушить.

Мутная биография у девочки. Ох и мутная.

— Все готово, – облизывает блестящие губы. Плавно ведет плечами, моргает, взмахивая ресницами в галицком замедленном режиме. – Пожалуйста, – протягивает тощую стопку листов.

Реально? Всю херню выполнила, что поручил? Да там бред сивой кобылы был. Неужели?

Стучу пальцами по полировке, велю подползать. Барин готов угнетать угнетаемых. Объявляю порку открытой.

Скрипнув зубами, профессионально покачивает бедрами. Обходит стол. Подбирается к креслу и, неторопливо потираясь обо все, что придется, зависает тройкой над моим очленевшим вмиг лицом с гребаным отчетом.

Я их вижу. И как бы ни хрена себе … Там есть, что заценить.

Выдыхаю прямо в кружево. Ее кружево.

Мой брендированный трикотаж в офисных брюках сильно оживает. Нагревается и начинает подпекать.

— Кхм.

Все-таки задушу Галицкую раньше, чем планировал. Даже раньше, чем трахну.

— Сейчас подробно объясню, – шепчет, будто портативную колонку настроили на озвучивание эротической книги.

Ореховые глаза поблескивают в свете лампы. Говорю же, ведьма!

Независимо от моих деспотичных желаний, взгляд снова

падает на ее грудь.

Тонкая ажурная ткань облепляет упругие дыньки. У нее настоящие — сто процентов. Успел заценить в подвальном кабинете. Не заценить такую прелесть может только импотент или понятно кто. Хотя хер там. В ее случае даже «понятно кто» все равно заценит.

— Присядь, – цежу сквозь зубы, наблюдая как соски продавливают тонкое кружево.

Они у нее исключительно на продавливание настроены? Опции иные прилагаются?

— Ой, – подворачивается изящная ножка.

Галицкая хватается за плечо, втыкая в мясо длинные яркие ногти. Дыньки, колыхнувшись, вынуждают меня нечеловечески рыкнуть. Смахиваю приятно назойливую руку.

— Сядь. Присядь! Сказал. Живо!

— Да я …

Зверски взглянув, заставляю Мата Хари замолчать. Ишь как щечки румянцев подернулись. Ну невинная овечка, посмотри на нее.

— Живо … – давлюсь словами под натиском ударов дергающегося члена.

Потому что, если ты не уйдешь, я на этом столе из тебя признания вытащу, не дожидаясь доклада ищеек.

И не факт, что один раз вытащу. Мне одного мало будет.

Надувшись, усаживает красивую задницу в кресло напротив.

Пока Галицкая раскладывает писанину, изо всех сил вспоминаю, как однажды в поездке с другом пробовали сюрстрёмминг. Вонь стояла адская. Сожрать мы его так и не смогли. Блевотина. Отмывались полночи от ядреного аромата.

Не помогает!

Стоит открыть глаза и посмотреть на Галицкую …

Бесполезно.

— Как прошел Ваш день? – сердечно спрашивает ни с того ни с сего. – Все ли в порядке?

— Почему интересуешься?

— Вы какой-то хмурый, – расстроенно.

Да ты что.

Догадливая какая. Забота с первых дней неимоверная, куда от нее деться.

Настегать бы Галицкой по заднице докрасна, чтобы знала, что бывает с теми, кто меня нагнуть решил. Псевдо-помощница явно вообразила, что умнее всех.

Исправим.

— Прошу по делу, Евгения, – рявкаю. – Слушаю.

Закусывает губы, сдерживая явное бешенство. Глаза становятся темно ореховыми, сверкают так сильно, что сейчас электричество вырубит к черту.

— Как скажете, – щебечет сахарным голосом. – Все ваши желания – закон.

— Так и есть.

— Да, – облизывается. – Итак, начнем. Все, кроме последнего пункта.

В пол-уха слушаю, что говорит. Пристально наблюдаю, как шлепает соблазнительными пухлыми губами и как покачивается от жестов грудь.

Надо запретить монашескую робу, пусть завтра придет в чем-то другом.

В чем? Может пусть наденет что-то в стиле бедной студентки? Вспоминаю в чем ходят студентки. Ну на хер. Я стояком все углы посшибаю.

Это паранойя какая-то. В моей жизни много женщин, но такого помешательства не наблюдалось. Может Галицкая особый феромон выделяет …

Тру губы большим пальцем, внимательно смотрю, как отчитывается. Надо запретить ей таким голосом разговаривать. У меня серьезная организация, а не студия по озвучке эротических фильмов.

Сука …

Все-таки Женя что-то выделяет. Мысленно проклинаю восставший член. Дубина скоро ширинку прорвет и высунется на волю в поисках вагины Галицкой.

— В данных расчетах я обнаружила недочеты. Позвольте выразить свою точку зрения на отгрузку древесины в Воронеж.

Недурно.

Вопрос: как успела разобраться? Странно.

Почему она меня так бесит и заводит. Гребаная теорема никак не решается.

Расслабившись, Евгения взмахивает руками. Таращусь на изящные кисти, едва слюни не текут. Повторяю еще раз. Женщин в моей жизни достаточно. Даже пальцами щелкать не нужно, прибегут и будут счастливы от самой малости.

А эта …

Эта башку откусит и не подавится.

Сука. На лбу написано.

Может это и есть тот самый феромон.

— Александр Михайлович.

М?

От ушей отслаивается вата. Смываю поллюции с мозга. Ловлю в фокус Галицкую.

— Вы меня слушаете?

— Слушаю.

— Что скажете?

Тяжело сканирую врушку. Пока ничего.

— Каков регламент на завтра? – тихо интересуется.

— Завтра, – складываю руки на столе. Наклоняясь вперед, вываливаю требование. – Завтра дресс-код меняется. Оденься так, чтобы к вечеру можно было пойти на деловую встречу. Будешь сопровождать. И повтори немецкий. В резюме написано, что ты хорошо знаешь язык. И лучше тебе, Женя не ошибаться. Свободна.

Идет красными пятнами. А что такое?

С удовлетворением наблюдаю на Галицкой. Вопросительно поднимаю брови.

— И? Позабыла навыки? Или в резюме неправда? Признавайся.

Втягивает носом воздух. Мило улыбаясь, ядовито льет.

— Ich werde von meiner besten Seite sein (буду в лучшем виде – нем.)

Киваю. Неплохо.

И у самой двери.

— Mistkerl – еле слышно. (мудак – нем.)

Какого черта!

Глава 9.

Сатаны весь день не было в офисе. За то Демонессы хватило за глаза. Но я вынесла тяжелый день на своих хрупких плечах во имя будущей славы на поприще журналистики.

С самого утра головы не поднимаю. Да я даже поесть не успела, только кофе пила. Морщусь от горечи во рту. Остервенело луплю по клавиатуре.

Чтоб тебя, Бестужев, столько новеньким не задают! Это форменное издевательство.

— Да! – гаркаю в трезвонящий телефон, не отрываясь от работы.

У меня еще три пункта не выполнены, я штрафы платить не собираюсь. Гад в конце списка своей корявой рукой подписал, что за невыполнение — штраф двадцать тысяч. Ненормальный.

— Выезжаем через тридцать минут, – ледяной поток бесстрастного тона Александра, чтоб его Михайловича, льется за шиворот.

Нервно моргаю. Пальцы замирают над клавишами.

— Когда? – не к месту переспрашиваю. – Я вообще-то еще не закончила.

Мне кажется или я слышу скрежет зубов. Пауза затягивается. Ясно представляю, как на прокачанной спине босса разлетается кожа и из пылающих проемов плоти вылезают черные, местами обгорелые, крылья адского гнева.

И искры из ноздрей. И не только из ноздрей. Из трусов тоже.

— Ой.

Быстро исправляюсь.

Я же подчиненная. Угнетаемым за большую зарплату приходится терпеть деспотичные закидоны белобрысых Азазелей.

— Извините, Александр Михайлович, – подобострастно шепчу. – Буду через тридцать минут. У меня к Вам просьба. Можно потом в офис вернуться, мне еще три выгрузки нужно сделать. Хочу избежать штрафного … кхм … наказания.

Мембрана молчит.

Она очень молчит, но скажите, почему я тогда слышу мат самых изощренных оборотов голосом шефа. Переработала, наверное.

— Я прощаю тебе три выгрузки за сегодня, Евгения, –

вздрагиваю. Бестужев хлещет словами, как плеткой. – Завтра придешь пораньше и закроешь день. Через тридцать минут в вестибюле.

Скотина!

От души прикладываю ни в чем неповинный аппарат.

Прощает он!

Первая реакция снести все, разметать, разнести от злости весь кабинет. Но я же не сумасшедшая, чтобы похерить такое бомбезное начало разведывательной деятельности, поэтому закусив губы, тщательно складываю отчеты в стопочки.

Аккуратно сохраняю в допотопном компьютере данные. Мысленно раз сто послав Бестужеву факи, встаю из-за стола.

Есть хочу. С ненавистью таращусь на часы. Осталось двадцать пять минут.

Пару минут отвожу на то, чтобы дышать и перестать представлять, как прокусываю жилистую шею Бестужева и почему-то страстно облизываю ее со всех сторон. Прям кусаю, чмокаю от неповторимого аромата кожи.

А он меня хватает за задницу, трогает сильно-сильно и набрасывается с поцелуями. Ах, какой язык у него сладкий и свежий. И такой юркий, такой наглый и властный. И трогает меня везде сатанинский Александр Белобрысович, а я с него рубашку снимаю, пересчитываю кубики на прессе. Глажу преступно красивую дорожку внизу живота.

Бестужев рычит, задирает мою юбку на пояс, а я трусики дома забыла надеть и …

Боже мой! Отмираю.

Евгения, ты нормальная?!

Прихожу в себя, потому что мысли мои — ужас какой-то. Я что хочу того, о ком разгромную статью собралась писать?

Никаких мечтов, Галицкая. У тебя просто давно не было настоящего мужика, вот и снесло крышу. Ты же все больше слюнтяев собирала, так что Бестужев всего лишь следствие фантазии и вообще, Сатана … ну как собирательный образ и …

Женя!

— Идиотка. Быстро собирайся, – бормочу.

Бросаюсь к шкафу. Лишь минуту сомневаюсь в выборе одежды. Не перегнула ли палку, не выгонит ли господин Бестужев после такого наряда. Но он сам сказал, чтобы сменила монашескую робу. Вот. Я сменила.

Тем более, что у нас немецкая вечеринка. Немцы они, знаете ли … Такие немцы … Э-э-э …

Ничего не придумав дельного, быстро освежаю косметику. Глаза поярче, румяна и нюдовые губы. Без блеска. Будто глина на губах как будто. Так губы становятся фактурнее, полнее, натуральнее и пухлее.

Черт побери! Я забыла пену для волос.

Тринадцать минут осталось.

Хватаю минералку. Лью на руки и жамкаю волосы. Вьющиеся от природы волосы быстро закручиваются в тугие колечки еще сильнее. Зачесываю гриву назад.

Десять минут.

Тончайшие колготки. Замшевые туфли на высокой шпильке. Мини-черт-побери-юбка. Бегло оцениваю себя в зеркало.

Кружевной лифчик, юбочка и бесконечно длинные ноги в секси-туфлях. Это что-то из восьмидесятых. Это что-то в стиле молодой Ким и ее Рурка. О, Боже, да я красотка. Немцы слюной захлебнутся.

Подмигиваю себе, быстренько натягиваю объемную блузку. Заправляю низ, закатываю рукава. Браслеты, серьги и колье в декольте. Любимые духи известного кутюрье в ложбинку, под волосы и неважно куда.

Вуаля. Вот это мамасита-сеньорита!

Если Бестужев заорет, клянусь, он точно импотент. Как по мне, я конфетка. Чернослив в шоколаде.

У меня пара минут. Спешно хватаю пальто, сумку, бегу в вестибюль.

Белобрысый деспот ждать не любит.

Так и есть. Он уже там. Стоит около стойки, важно разговаривает по телефону.

— Я не опоздала, — докладываю.

С энтузиазмом говорю в спину, обтянутую дорогущим пиджаком.

Крупные плечи едва дергаются. Он так и продолжает говорить, не обращая внимания на возглас. Воспитание, конечно, у гада никакое.

Это унизительно заставлять ждать женщину. Я прям чувствую, как по лицу идут рваные пятна недовольства.

И знаете что! Никогда больше не позволю разгуляться фантазии. Да чтоб еще раз представила его в сексуальных грезах? Никогда. Ни за что. Ни в жисть.

Направляюсь к кулеру, выпить воды. Мне срочно нужно перебить голод. Со злости выпиваю три стакана. И я бы выпила еще, если бы не застрявшая в устройстве тара.

Наклоняюсь ниже, пытаясь вытащить посудину. От натуги туфли разъезжаются по полу и приходится наклониться еще ниже.

Бракованный что ли. Чертово мини. Склоняюсь еще ниже. Попе становится холодно.

— Не напилась, Евгения? Ты не торопись. В кулере еще половина осталась.

Зажав пальто подмышкой, перекидываю волосы на одно плечо, чтобы пол не мели.

Изгибаюсь так, что свою откляченную задницу вижу.

Ну не могу я стакан отпустить, там все заклинило. Я такая злая!

— Я пью впрок, чтобы не сильно на встрече вас объедать. Судя по выделенному кабинету, кроме лапши в пакетах рассчитывать мне не на что.

Глава 10.

Бестужев молчит.

Могу лишь догадываться, что думает по поводу моего

несдержанного опуса, направленного в сторону его якобы жлобства. Слово не воробей, вылетит не поймаешь. А мое слово — это просто летучий бегемот.

Оставляя помятый стакан в кулере, выпрямляюсь.

— Извините.

Не слишком убедительно прошу прощения.

Получаю в ответ молчаливую порцию леденейшего презрения. Другого от Величества ждать не приходится. Он, прищурив глаза, недобро изучает мой образ дивы из ретро-прошлого. Выражает крайнюю степень неудовольствия.

Невольно одергиваю юбку.

— Слишком часто извиняешься, – хлещет привычными отрывистыми словами. – Покороче чего-нибудь не нашлось?

Округляю рот. Меня опять разносит во все стороны.

— Сами сказали — без монашества. Я Вас не понимаю!

— Ты из крайности в крайность прыгаешь? – закладывает руки в карманы. Перекатывается с пятки на носок. Рычит. – Середина присутствует?

— Это нормальная одежда, – защищаю лук. – Я тысячи рилслов пересмотрела.

— Порнографических? – выплевывает.

Мои ноздри раздуваются. Я, кажется, узнаю главный секрет Бестужева. Он радикальный маньяк по унижению сотрудников. Набирает помощниц, чтобы реализовывать свои грязные фантазии, как ментальный садист. Вот и все.

— Современных! – капаю отваром борщевика прямо на

отутюженные брюки Босса. – Ваша ассистентка должна выглядеть как … эээ… Ваше лицо. Ваше! А не как … – давлюсь. – Пятка без педикюра.

— Иди, – цедит, нагло ползая по декольте взглядом. – Довольно лекции.

— Я готова! Куда подан автомобиль? – рявкаю в лучших традициях ссорящихся немецких политиков.

— Блистать будешь на ужине. Иди! – подталкивает пониже спины.

— Какое право? – выгибаюсь, мелко перебирая узкими носками туфель. Цокаю, как только что подкованная лошадь. Чертова акустика, я будто микрофон к каблукам повесила. – Не трогайте там, где Вам не разрешали.

Бестужев с каменным лицом волочет меня дальше.

Возмущаюсь и отстаиваю свою независимость на одежду оставшийся путь, но Бесо-Демона это не трогает. Он заталкивает меня на заднее сиденье, как сумку с надоевшими продуктами и я сильно возмущена небрежным отношением.

— Евгения, – садится рядом. Сверкает глазами аки разгневанный Зевс с Олимпа. Прижимается тесно бедром, потому что несмотря на распиаренную марку автомобиля, места в салоне с гулькин хрен. – Ты можешь закрыть свой рот и открыть его по приезду, – рычит. – Я оглох от твоей трескотни.

Моргаю.

Бедро нещадно жжет мое.

Я каждую напряженную мышцу чувствую. Все чувствую, всю поверхность которой соприкасаемся и … и … тело у приспешника ада самое что ни на есть прекрасное.

Про запах отдельно помолчу. В память о себе.

Потому что во рту привычно собирается слюна. Потому что нельзя так пахнуть мужикам. Это слишком приятно.

Оно само как-то получается, что жадно таращусь на полные красивущие губищи небритого Бесо-Демона. Целое преступление века иметь такие.

Некоторых женщин природа одарила двумя скромными нитками, и они вынуждены терпеть процедуры, чтобы вкачать литры геля, чтобы стать красивыми. А тут …

Вот как нормально после этого к Бестужеву относиться?

Громко сглатываю слюну.

— Может Вы отодвинетесь? – хриплю Джигурдой.

Не двигается. Назло придвигается еще плотнее. Я сейчас сгорю.

— Что-то не так?

— Мне тесно.

— Потерпишь.

И сам на мои губы таращится.

Боже. Боже помоги.

В салоне резко становится жарко. Как во сне касаюсь краешков блузки, начинаю дергать, чтобы хотя бы немного освежиться. Машу, не разрывая зрительного контакта с Александром. Мне кажется или он готов сейчас же набросится и

страстно целовать.

От неожиданности губы сильнее сами по себе размыкаются. Бестужев замечает все-все, грозно рычит. Прям как оборотень …

А сам все равно смотрит и смотрит.

Слов нет. Тоже извергаю из горла дурацкий писк. Я настолько обескуражена, что вот-вот готова наплевать на все. Залезть на колени Босса и начать целовать его рот, как одержимая нимфоманка.

Мгновенно бросает в жар от провокационных мыслей. Обстановка накаляется.

Бестужев сатанеет еще сильнее, когда нечаянно увеличиваю разрез в декольте до такой степени, что краешек кружевного «отрыв башки» бюстика видно. Клянусь! Я не специально. Оно само.

— Ай.

Сожалею неубедительным возгласом.

— Бляядь … – сокрушительно пораженно шепчет одними губами Александр и с сожалением отворачивается. – Андрей, включи кондиционер.

Холодные струи заполняют салон.

Кошмар …

Сползаю по спинке вниз. Слепо смотрю в окно. Что это было? Наваждение?

В полной тишине едем минут десять. Бестужев делает вид, что поглощен графиками в телефоне. Его бедро по-прежне-

му касается моего. И по-прежнему жжет.

Скорее бы приехать.

Силы небесные, сжальтесь на нами. Никогда еще российская журналистика не была так близко к краху и грехопадению.

— Приехали, – оповещает водитель.

Бестужев выходит молча. А мне как быть, откроет ли, высадит ли, положена милость персоналу или мне самой из машины вываливаться.

— Галицкая, – дверь уже открыта.

Бестужев протягивает руку, в которую вцепляюсь как в последнюю надежду. Черт с этой журналистикой, можно мне еще Демона потрогать. Потрогать удается, потому как ноги у меня косорукие и я снова подворачиваю щиколотку.

— Ой-ой, – пищу.

— Осторожнее!

И вот я опять прижата к телу, опять смотрю в его глаза.

И на губищи тоже смотрю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.